

Конституционная политическая экономика по Хайеку: конфликт между демократией и либерализмом

Андрей Павлович Заостровцев

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, г. Санкт-Петербург
Центр исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге
г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: zao-and@yandex.ru

Цитирование: Заостровцев, А. П. (2020). Конституционная политическая экономика по Хайеку: конфликт между демократией и либерализмом // *Terra Economicus*, 18(3), 22–48. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-22-48

В настоящей работе анализируется конституционная политическая экономика Фридриха фон Хайека на основе известного противоречия между демократией и либерализмом. Утверждается, что Хайек примерно в одно время с исследователями из школы общественного выбора разработал концепцию провалов демократического государства, которая остается актуальной и по сей день. Среди них выделяются такие как подчинение групповым интересам, чрезмерная перераспределительная активность (рост государства благосостояния), правовой позитивизм как следствие неограниченной воли большинства. Рассмотрен разработанный Хайеком проект конституционного устройства, который нацелен на сокращение влияния электоральной демократии с целью сохранения свободного общества. Особо подчеркиваются отличия подходов Хайека и теоретиков общественного выбора к конституционному строительству: для первого конституция (несмотря на обвинения в конструктивизме по причине предложенного идеала конституционного устройства) – это все-таки продукт эволюции, а для вторых она есть результат рационального выбора под знаменитой «вуалью неведения». Показано, что Хайек одним из первых обратил внимание на формальные и неформальные институты (моральные принципы) и решающую роль вторых для особенностей конфликта между демократией и либерализмом. При этом отмечается роль Хайека как одного из первых исследователей, кто обратил внимание на такие важные аспекты институциональной теории, как конкуренция институтов и существенные ограничения на международный импорт институтов в силу невозможности сконструировать неформальные институты. Итоговый вывод работы заключается в том, что электоральная демократия не разрушает конституционные свободы только в том случае, если последние твердо укоренились в общественном сознании. В противном случае их формальное провозглашение не означает их гарантированного существования.

Ключевые слова: конституция; демократия; либерализм; провалы государства; государство благосостояния; правовой позитивизм; институты

Constitutional political economy by Hayek: The conflict between democracy and liberalism

Andrey Zaostrovtssev

Higher School of Economics, St. Petersburg

The Center for Modernization Studies (M-center), European University at St. Petersburg

St. Petersburg, Russia, e-mail: zao-and@yandex.ru

Citation: Zaostrovtssev, A. (2020). Constitutional political economy by Hayek: The conflict between democracy and liberalism. *Terra Economicus*, 18(3), 22–48. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-22-48

This paper analyzes the constitutional political economy of Friedrich von Hayek in the context of the well-known contradiction between democracy and liberalism. It is alleged that Hayek at about the same time as researchers from the school of public choice developed the concept of failures of a democratic state, which remains relevant today. Among such failures are subordination to group interests, excessive redistributive activity (growth of the welfare state), legal positivism as a consequence of the unlimited will of the majority. A draft constitutional structure developed by Hayek is considered, aimed at reducing the influence of electoral democracy in order to preserve a free society. The differences in the approaches of Hayek and theorists of public choice to constitutional construction are especially emphasized. For the former, the constitution (despite accusations of constructivism due to the proposed ideal of the constitutional structure) is still a product of evolution. For the latter, it is the result of rational choice under the famous veil of ignorance. The paper shows that Hayek was one of the first to pay attention to formal and informal institutions (moral principles) and showed the crucial role of the latter to characterize the conflict between democracy and liberalism. At the same time, the role of Hayek is noted as one of the first researchers who drew attention to such important aspects of the institutional theory as a competition of institutions and significant restrictions on the international import of institutions due to the impossibility of constructing informal institutions. The final conclusion of the work is that electoral democracy does not destroy constitutional freedoms only if the latter are firmly rooted in public consciousness. Otherwise, their formal proclamation does not mean their guaranteed existence.

Keywords: constitution; democracy; liberalism; government failure; welfare state; legal positivism; institutions

JEL codes: B31, B53, D72, K10

Введение

В книге «Конституция свободы» Фридрих фон Хайек четко обозначил наличие хорошо известного конфликта между демократией и либерализмом. Ему посвящена, в частности, 7-я глава «Правление большинства». «Либерализм, – пишет автор, – это учение о том, каким должен быть закон, а демократия – это учение о методе опре-

деления того, каким будет закон. Либерализм считает желательным, чтобы законом становилось только то, что одобрено большинством, но он не верит, что в результате обязательно получится хороший закон. Его цель в том, чтобы убедить большинство соблюдать определенные принципы» (Хайек, 2018: 135).

Если заострить постановку вопроса, то можно сказать, что либералу не так уж важно, каким способом будут обеспечены свободы. Если большинство всегда их поддерживает, то почему бы и не дать право голоса всем. В то же время, если вообразить некоего абстрактного диктатора-доброжелателя, одержимого либертарианскими идеалами, то и это вполне устроит классического либерала. При условии, что этот диктатор допускает полную свободу самовыражения, вплоть до любой критики собственного правления. Однако при этом он гарантирует неприкосновенность в реальной жизни всех ценных для либертарианца принципов, не допуская к рычагам власти тех, кто готов их ограничить. С точки зрения твердости гарантий вариант с таким гипотетическим диктатором даже предпочтительнее, так как в этом случае перемена мнения большинства никаким образом не повредит свободному обществу. Единственной, но очень большой проблемой становится преемственность такой политики за пределами жизни властителя.

Для демократа дело обстоит совсем по-другому. «Для демократического доктринера, – пишет Хайек, – тот факт, что большинство чего-то хочет, является достаточным основанием рассматривать это как добро; для него воля большинства определяет не только что есть закон, но и что есть хороший закон» (Там же). Иначе говоря, высшую ценность здесь представляет сам факт коллективного решения, причем такого, которое принимается всеми без каких-либо ограничений. Действует принцип «один человек – один голос». Демократы нередко говорят, что если у демократии и есть недостатки, то исправить их может только еще большая демократия. Это направление сегодня поддерживает идеология делиберативной демократии (Линде, 2015).

Для либертарианцев (а Хайек, несомненно, один из них, хотя и принадлежит к их умеренному крылу) допущение мажоритарных решений всегда представляет серьезную проблему. И, как увидим далее, он ищет пути ограничения «демократического произвола». Поскольку «предостаточно признаков того, что неограниченная демократия движется к гибели...» (Хайек, 2006: 22). Этот свой тезис он развертывает в целую теорию провалов государства, или, поскольку речь идет о демократическом государстве, ее можно назвать теорией провалов демократии. Она развивалась параллельно с аналогичным видением теоретиков школы общественного выбора¹. Хотя при этом важно помнить об отличиях последней от учения австрийской школы (Holcombe, 2015).

Хайек о провалах демократии

Хайек обратил внимание на три разновидности таких провалов.

1. Превращение демократии как метода принятия решений в «игрушку в руках групповых интересов»: «Всемогущее демократическое правительство именно вследствие неограниченности своей власти становится игрушкой в руках организованных интересов, ибо должно угождать им, чтобы обеспечивать себе большинство» (Хайек, 2006: 420). Эта проблема поднимается неоднократно в книге «Право, законодательство и свобода» (Там же: 332–340). Он описывает те явления, которые теория общественного выбора сделала одними из центральных составляющих своей политической экономики: группы интересов, перераспределительные коалиции, логроллинг. При этом подчеркиваются два условия, которые превращают их в провалы демократии: во-

¹ «Концепция общественного выбора предлагает “теорию провалов государства”...» (Бьюкенен, 2004: 418). Небезынтересно заметить, что и Дж. Бьюкенен в совместной с Дж. Бреннаном работе предвещал грядущее разрушение демократических обществ. «...Без изменения действующих правил политической игры современные демократические общества будут двигаться к саморазрушению –

первых, принятие решений большинством; во-вторых, сам факт наделения законодателей правами перераспределять.

В связи с тем что в современном мире эгоистические групповые интересы все плотнее заворачиваются в тогу социальной справедливости, выделим и весьма негативное отношение классика неоавстрийской школы к оперированию этим термином. «Сам термин “социальная справедливость” лишен всякого смысла» (Там же: 167). Тут же он сравнивается с платьем голого короля из сказки Ганса Христиана Андерсена. «Всеобщая распространенность этого предрассудка не делает его предмет более реальным, чем распространенная в прошлом вера в ведьм или философский камень» (Там же: 168).

Однако это не просто безобидный предрассудок. По мнению экономиста, он разрушителен. И Хайек видит своим долгом избавить человечество от него. «Полагаю, что, если бы мне удалось добиться того, чтобы впредь люди стыдились употреблять это бессмысленное заклинание, я оказал бы ближним величайшую услугу. Я считал своим долгом хотя бы сделать попытку освободить их от демона, который в наши дни обращает добрые чувства в инструмент разрушения всех ценностей свободной цивилизации...» (Там же).

В этом месте может показаться, что Хайек преувеличивал беды, грозящие «свободной цивилизации» по причине увлеченности идеей социальной справедливости. Однако спустя полвека, прошедшие с написания цитируемых выше строк, так не кажется. Уже тогда им было замечено, что «попытки “скорректировать” результаты рынка в направлении “социальной справедливости” ... больше способствовали усилению несправедливости в форме новых привилегий, препятствий мобильности и крушения надежд, чем облегчению участи бедных» (Там же: 306).

В то же время даже Хайеку при всем его пророческом даре вряд ли могло прийти в голову широкое и повсеместное распространение узаконенной дискриминации людей по доступу к занятости, местам в органах законодательной власти, продвижению по службе и поступлению в университеты. Все то, что названо «позитивной» дискриминацией и сопровождается квотированием (формальным или неформальным) по совершенно не относящимся к делу характеристикам людей. Заметим, что, строго говоря, позитивной дискриминации не бывает: в сущности, это привилегии для одних и дискриминация (которая бывает только негативной) – для других. Эта система разрушает бизнес, науку, образование, семью и на сегодняшний день представляет собой главную угрозу свободному обществу. «Свобода и узаконенная борьба государства с частной дискриминацией – две вещи несовместимые. Последняя опасна и для бизнеса, и для семьи, и для самой демократии» (Яновский, Жаворонков, 2018: 66). В основе же активности борцов за социальную справедливость (*social justice warriors*) лежит молчаливый сговор стремящихся к привилегиям меньшинств с политиками, покупающими за счет их раздачи голоса, и бюрократами, получающими новые регуляторные полномочия.

2. Перераспределительная активность (обслуживающая государства благосостояния), которую Хайек называет «легализованной коррупцией». «Бесплатные раздачи за счет кого-то *неизвестного* становятся излюбленным способом купить поддержку большинства» (Там же: 424). Одновременно он подчеркивает ее неизбежность при имеющейся институциональной системе. «При нынешней форме демократии честное правление невозможно даже в том случае, если политики будут сущие ангелы...» (Там же: 456).

Современная критика государства благосостояния суммирована в статье Л. Бальцеровича и М. Раджиковски (Balcerowicz, Radzikowski, 2018). Она подтверждает, что тревога Хайека была оправданной. Наблюдается не только несостоятельность государства благосостояния с точки зрения неудовлетворительных темпов роста, связанных с высоким бременем налогообложения и отвлечением средств от потенциально продуктивных инвестиций на финансирование дефицита средств на предоставление

социальных благ. Происходит еще и подрыв этим государством трудовой морали как несомненной ценности той самой свободной цивилизации, угрозу которой со стороны идеологии социальной справедливости заметил Хайек.

Бальцеревич и Раджиковски обращают внимание на так называемый «налог участия» (participation tax), который ложится на дополнительный доход семейной пары с двумя детьми в случае перехода от незанятости к работе одного из супругов на среднюю зарплату. В 2014 году для стран ОЭСР он варьировал от 19,4% в Италии до 94,7% в Дании. Еще в четырех странах (Ирландия, Голландия, Австрия и Финляндия) он превышал 80%. Складывается этот налог из возрастающих в результате занятости налогов и утрачиваемых социальных трансфертов. Предельная эффективная налоговая ставка в случае перехода одного из супругов в такой же семейной паре с работы на половину ставки средней зарплаты к полной ставке колеблется от 13,8% в Южной Корее до 94,4% в Дании. Еще в четырех странах (Канаде, Голландии, Финляндии и Великобритании) она превышает 70% (Ibid.: 8–9).

Авторы заключают: «Левые антикапиталисты имеют тенденцию оплакивать то, что они называют “социальным исключением”, и обвинять в нем свободные рынки. В реальности вина должна быть возложена на те порочные свойства государства благосостояния, которые обрекают некоторых людей на бездействие и подрывают их семейную жизнь» (Ibid.: 9).

Этот тезис нашел свое подкрепление и в исследовании М. Таннера и Ч. Хьюгса. Щедрость пособий одинокой матери с двумя детьми делают невыгодным выход на работу. В девяти странах Евросоюза стоимость предоставляемых ей социальных благ выше минимальной заработной платы, а в Великобритании составляет 160% от последней. Ее можно сравнить и со средней заработной платой: в 11 странах она превышает половину чистого дохода индивида, получающего эту зарплату, в шести превышает 60%, а в Дании составляет 70% данного дохода. Эффективная ставка предельного налога такой матери-одиночки в случае выхода на работу за половину средней заработной платы в 16 странах ЕС превысит 50%, а в Австрии, Хорватии и Дании будет равна 100% (Tanner, Hughes, 2015: 7, 9). Тем самым не только создаются антистимулы для занятости, но и косвенно поощряется отсутствие официального семейного статуса.

Новым веянием является нарастающая популярность идеи безусловного гарантированного дохода, который нередко рассматривается как либеральное решение (Кузнецов, 2019). Действительно, при последовательном воплощении он снимает проблему лоббирования групповых интересов и сильно упрощает социальную поддержку. Однако он есть лишь благое пожелание по двум причинам: во-первых, элементарной нехватки средств даже для относительно скромной выплаты всем гражданам², во-вторых, в силу невозможности перешагнуть через тот самый стереотип социальной справедливости, о котором писал Хайек. Раздача всем, независимо от положения и жизненных обстоятельств, одной и той же суммы денег вызовет просто взрыв общественного возмущения. Если же этот демогрант не заменит все прочие пособия (включая перераспределительные пенсии), то смысл его теряется и тем острее становится проблема элементарной нехватки средств.

3. Правовой позитивизм как следствие неограниченной воли большинства: законодательство в таком случае отделяется от либеральных принципов и, как правило, подавляет их. «Если воля большинства становится неограниченной, то лишь частные цели этого самого большинства будут определять, что такое закон» (Хайек, 2006: 456). Демократический правовой позитивизм готовит почву для диктаторской формы правового позитивизма, разрушая представления о высших, стоящих над формальны-

² Согласно расчетам, для того чтобы каждого гражданина США наделить универсальным базовым доходом, равным уровню бедности для одинокого непрестарелого индивида, потребуется сумма, превышающая весь федеральный бюджет или же в 4 раза большая, чем величина текущих расходов на вэлфер (включая как федеральные расходы, так и расходы штатов). Даже если этот базовый доход заменит все программы борьбы с бедностью, то сохранится дефицит, равный 3,4 трлн долларов (Tanner, 2015: 15).

ми законами принципах. Хайек убедительно показывает это на примере вырождения появившегося впервые в Германии понятия *Rechtsstaat* (правовое государство), когда «весь “закон” свелся к утверждению, что все делаемое тем или иным органом власти должно быть законным» (Хайек, 2018: 311).

На этот момент стоит обратить особое внимание, так как он очень важен для понимания конституционной политической экономики по Хайеку, который говорит об извращении понимания, что такое закон. Согласно либертарной теории права, закон не создается законодателями, а спонтанно открывается людьми³. Кроме того, законы не должны касаться частных сфер, а быть общими правилами для всех⁴. И, наконец, стихийно создаваемые правила должны быть, в сущности, негативны. Их задача очерчивать защищенное пространство каждого индивидуума и тем самым быть эффективными гарантиями индивидуальной свободы (Хайек, 2009: 308).

Хайек о конституции

Хайек, как и теоретики общественного выбора, предлагает то, что позже Бьюкенен назвал «конституционными оковами для Левиафана»⁵. Он неоднократно делает упор на необходимость ограничения демократии во имя сохранения свободы (либерализма). «Ограничена должна быть власть, любая власть, но особенно демократическая» (Хайек, 2006: 420). В этой связи в качестве исторического примера обращается внимание на развитие событий во время Великой французской революции. «Решающим фактором, обрекшим на бесплодие усилия революции утвердить свободу индивида, была созданная ею вера в то, что раз уж вся власть наконец-то оказалась в руках народа, любая защита от этой власти оказывается ненужной» (Хайек, 2018: 257–258).

Что есть конституция по Хайеку? В сущности, ответ дает название работы «Конституция свободы». Это – высший закон, утверждающий и защищающий принципы либерализма (свободного общества). Известно, что Хайек разработал модель «конституции свободы», которую изложил в 17-й главе книги «Право, законодательство и свобода» (Хайек, 2006: 427–448).

Основные предлагаемые им принципы построения гипотетической конституции таковы. Во-первых, законы (правила, которые можно применять к неопределенному числу случаев в будущем) принимает представительный орган – законодательное собрание, которое формируется на довольно оригинальных принципах. Все граждане, достигшие 45 лет, выбирают его членов из числа своих ровесников, сроком на 15 лет. Таким образом, за них голосуют раз в жизни (в 45 лет). Следовательно, ежегодно обновляется 1/15 часть членов этого собрания. Граждане, бывшие членами другого собрания – правительственного, – лишаются права быть избранными в это собрание. После окончания 15-летнего срока члены законодательного собрания получают право занятия должностей, включая должности в сенате, который осуществляет надзор за этим собранием.

³ «Закон – это нечто, что нужно открыть, а не ввести в действие...» (Леони, 2008: 25). И при этом «в обществе нет никого настолько могущественного, чтобы он мог отождествлять свою волю с законом страны» (Там же).

⁴ Впоследствии Бьюкенен отдал должное заслугам Хайека, отмечая, что в «Конституции свободы» он фактически отстаивал принцип универсальности, говоря о равенстве перед законом (Buchanan, 1997: 221). Принцип универсальности (*generality principle*), предполагающий устранение решений эксклюзивно в пользу отдельных лиц, организаций и групп, включая целые отрасли экономики, был разработан Бьюкененом в рамках созданного им нового направления политико-экономической мысли – конституционной политической экономики. Подробнее об этом см.: (Заостровцев, 2013: 38–45). Бреннан и Бьюкенен формулируют действие этого принципа следующим образом: «Если участники сдерживаются пониманием того, что любой достигнутый результат должен быть применим ко всем ним, то у них гораздо слабее стимулы пытаться прибегать к вымогательству ради чисто распределительных выгод...» (Бреннан, Бьюкенен, 2005: 65). Очевидно, что он направлен на сдерживание лоббирования привилегий, перераспределительной политики и роста государства благосостояния.

⁵ В книге «Границы свободы. Между анархией и Левиафаном» Бьюкенен писал о нерешенности проблемы: «Как сковать Левиафана? Эта проблема волновала философов-политологов всех времен, но полностью удовлетворительный ответ на этот вопрос, как приблизить идеал, как реализовать его на практике, не получен» (Бьюкенен, 1997: 227).

Во-вторых, правительственное собрание напоминает обычные парламенты, но с тем исключением, что «ему во всех своих решениях придется придерживаться правил справедливого поведения, установленных и обновляемых законодательным собранием» (Там же: 440). Однако из числа избирателей членов этого собрания предлагается исключить целый ряд категорий граждан. «Вряд ли разумно, – пишет Хайек, – чтобы государственные служащие, пенсионеры и безработные избирали тех, кто определяет, сколько первым будет выплачено из чужого кармана, – ведь этих первых вторые могут купить обещанием увеличить их долю» (Там же: 441)⁶.

На этот момент следует обратить особое внимание. Он очень наглядно демонстрирует противоречие либерализма и демократии с всеобщими электоральными правами. Последовательный либерализм мыслит политическую организацию общества наподобие акционерного общества, где голоса распределяются пропорционально внесенному паю. Поскольку, действительно, при всеобщем избирательном праве общества несут потери, подобные тем, что возникают на самоуправляющихся предприятиях или при эксплуатации ресурсов общего доступа. Этот факт находит свое отражение в дискуссиях об эффективности демократии (Заостровцев, 2018). И одновременно ставит вопрос о моральности всеобщего избирательного права (Яновский, Жаворонков, 2017).

В-третьих, в системе Хайека предусмотрен и конституционный суд. Интересно, что он должен не столько разбирать споры между законодательным и правительственным собраниями, сколько «фиксировать случаи, когда никто вообще не уполномочен на принудительные меры» (Хайек, 2006: 442). Назначение членов этого суда может быть поручено специальной комиссии, созданной из бывших членов законодательного собрания.

В-четвертых, сама конституция. Естественно, что ее создание есть задача особого органа, его задачи нельзя путать с функциями законодательного собрания, которое работает на основе конституции. «Конституция представляет собой своего рода надстройку, защищающую закон и гарантирующую непрерывный процесс его развития» (Там же: 443). При этом «конституция распределяет и ограничивает власть, но не дает никаких предписаний относительно того, как власть должна использоваться» (Там же: 444).

В-пятых, допускается возможность введения чрезвычайного положения, но вместе с тем проговариваются условия, затрудняющие его использование для узурпации власти.

И, наконец, ставится вопрос о разделении финансовых полномочий. Едиными правилами сбора общественных средств должно заниматься законодательное собрание, выбором целей расходов – правительственное. Хайек предлагает сделать универсальным правилом маркированные налоги (жесткую привязку налогов к конкретным расходам). Для того чтобы никто не мог уклониться от бремени расходов.

Хайек как институционалист

Представленный выше гипотетический проект конституционного порядка по Хайеку дал повод для критики и обвинений в непоследовательности. В частности, Г.-Г. Хоппе (Норре, 1994) и Э. де Ясаи (Jasay de, 1994) рассматривали его как разрыв со скептицизмом в отношении правительства, политики и демократии, характерных для классического либерализма. В то же время В. Ванберг не соглашался с тем, что конституционный проект Хайека есть отход от эволюционизма австрийской школы с ее фокусированным вниманием на неполноте знаний и переход к идеологии конструктивизма

⁶ Эту идеологию разделяет либертарная теория права: «... Налогоплательщики вправе контролировать деятельность государственного аппарата путем свободных выборов. Но отсюда вовсе не вытекает, что те, кто не платит налоги, и особенно те, кто существует за счет налогоплательщиков, вправе участвовать в выборах» (Четвернин, 2014: 204).

(Vanberg, 1994). Согласно его взгляду, все политические теории хотя бы в какой-то мере конструктивистские, поскольку они отстаивают тот или иной институциональный дизайн. При этом хорошие теории отличаются от плохих тем, что первые признают ограниченность конструктивизма и отдают должное процессу спонтанного упорядочивания по причине доминирования проблемы знаний. Проводится сравнение подхода Хайека с отношением классических либералов (Д. Юма, А. Смита и др.) к рынку: рыночная практика рождается спонтанно из каких-то исторических случайностей, но нуждается в правовых конструкциях, устраняющих препятствия на пути ее развития. Конституционные институты, по Хайеку, призваны создать такой формальный порядок, который наилучшим образом отвечает проблеме неведения. М. Пеннингтон подводит такой итог дискуссии: «Признание выгод конкурентного процесса не отрицает роли институционального дизайна, но подразумевает создание рамок, которые расширяют пространство конкурентного экспериментирования и открытия полезных практик» (Pennington, 2015: 473).

В целом Хайек придерживается характерной для него общей идеи спонтанной эволюции институтов. «Существующие институты не были созданы по чьему-либо плану, да и невозможно устроить общество на плановых основаниях без того, чтобы не сузить в огромной степени его возможности использовать полезные знания» (Хайек, 2006: 24). Поэтому-то именно непреднамеренный, заранее не распланированный эволюционный процесс порождает эффективные институты: иначе невозможно задействовать необходимые в их создании неявные и рассеянные знания. «Человеку удастся в полной мере использовать свои возможности, когда он осознает свою ограниченность» (Там же: 27).

В этом пункте наблюдается принципиальное расхождение учения Хайека о конституции с конституционной политической экономией, сложившейся в рамках теории общественного выбора. Бьюкенен и Бреннан прямо пишут, что «громадный вред наносился и наносится современными экономистами, утверждающими... что основополагающие конституционные изменения станут побочным продуктом спонтанной эволюции, направленной на создание эффективных структур» (Бреннан, Бьюкенен, 2005: 261). С учетом того, что книга «Причина правил» была издана на Западе в 1985 году, т.е. еще при жизни Хайека, этот тезис можно рассматривать как прямой выпад против него и его последователей.

Хайек делает упор в своем описании спонтанной эволюции на то, что сегодня именуют неформальными институтами (нормами). «Наша цивилизация и есть в основном непредвиденный и непреднамеренный результат нашей приверженности определенным моральным и правовым нормам, которые никогда и никем не были “изобретены” для достижения этого результата, а возникли потому, что общества, которые шаг за шагом развивали эти нормы, на каждом шагу оказывались сильнее других групп, где действовали иные правила, менее благоприятные для развития цивилизации» (Хайек, 2009: 311). Может показаться, что под правовыми нормами имеются в виду формальные законы. На самом деле здесь нужно помнить о том, что для Хайека право – это не кодексы и статьи, а некие принципы человеческих отношений, которые образуются в процессе взаимодействия людей. Кроме того, в этом отрывке содержится и указание на то, что сегодня называется институциональной конкуренцией. Вперед вырываются те людские сообщества, где нормы более благоприятны для развития.

В другом месте Хайек выражается даже более определенно, ставя во главу всего процесса моральные принципы и подчеркивая роль свободы. «Сколь ни странным это может показаться, в долговременной перспективе миром правят определенные моральные принципы, в которые большинство верит. Единственный моральный принцип, сделавший возможным развитие цивилизации, есть принцип индивидуальной свободы» (Хайек, 2006: 472–473).

Фактически задолго до Д. Норты Хайек различает формальные и неформальные институты и определяет последние в качестве основы и детерминанты первых⁷. Это

⁷ О взаимосвязи формальных и неформальных институтов по Норту см.: (Заостровцев, 2014: 40–42).

становится очевидным, когда он обращается к межстрановым сравнениям. «Многим странам недостает еще общекультурной ситуации, проникнутой традициями и верованиями, которая в более удачливых странах питает конституционный дух и позволяет конституции работать...» (Там же: 429). «Институты, с помощью которых западный мир пытался защитить личную свободу от посягательств правительства, не работали, когда их переносили в другие страны, не знавшие подобных традиций: они оказывались недостаточной защитой от давления новых вождельней...» (Там же: 73).

Таким образом, формальные конституционные положения требуют наполнения соответствующей традицией, т.е. неформальными институтами. И в конечном счете конфликт между демократией и либерализмом определен не самим механизмом мажоритарного коллективного выбора, а доминирующими в обществе ценностями, убеждениями. Либеральные конституции могут превратиться в пустые неработающие формы, когда у них отсутствует «подкладка» из адекватных им ментальных моделей.

П. Беттке назвал Хайека «эпистемическим институционалистом» (*epistemic institutionalist*)⁸. В своей книге о Хайеке он отделяет его от откровенных институционалистов и в то же время раскрывает, почему его идеи резонируют с идеями институционалистов. Беттке подчеркивает, что хайековская конструкция координации более социальная и институциональная, чем атомистическая или психологическая (Boettke, 2018). Эту же мысль развивает П. Льюис: «Он (Хайек – А.З.) имеет дело не с самодостаточными индивидами, чьи характеристики остаются независимыми от их социального окружения, но, скорее, с вполне социальными субъектами, чьи существенные характеристики и способности – рассуждать, калькулировать, действовать и, конечно, быть гуманными – глубоко сформированы социальными структурами (правилами, традициями и институтами)» (Lewis, 2015: 218). Согласно Льюису, в работах Хайека – институциональный или холистический индивидуализм (Ibid.: 219).

Именно отход от методологического индивидуализма, столь характерного для Дж. Бьюкенена и виргинской школы политической экономии, открыл Хайеку возможность связать конституционные порядки с исторически заложенными в обществе моральными принципами и, таким образом, увидеть в этих порядках преемственность и зависимость от исторического пути, а не просто статичный выбор рациональных индивидов под вуалью неведения.

Заключение

Рассмотрение конституционной политической экономии по Хайеку позволяет сделать ряд обобщений. Во-первых, вклад Хайека в создание конституционной политической экономии вполне сопоставим с вкладом тех, за кем формально закрепилось признание в качестве ее «отцов-основателей» (Бьюкенен и др.). Отказ Хайеку в признании в этой области, по всей видимости, связан с его неприятием социального конструктивизма теоретиков школы общественного выбора. Согласно Хайеку, конституции, как и институты в целом, создаются человеческими действиями, но не человеческими замыслами. В то время как конституционная политическая экономия теории общественного выбора вся построена на том, что рациональные *homo oeconomicus* при наличии знаменитой «вуали неведения» сознательно выберут эффективные конституционные ограничения для правительств.

Во-вторых, Хайек довольно точно определил провалы демократического государства. За прошедшее с написания его работ время они только усугубились. Этот факт подтверждает правильность его опасений за устойчивость систем, формально базирующихся на либеральных конституциях.

В-третьих, проект конституции по Хайеку показывает гипотетическую политическую организацию, отвечающую либертарной концепции права. В ней закон вос-

⁸ Имеется в виду сосредоточенность Хайека на проблеме знания и его видение институтов как средств, позволяющих в той или иной степени преодолевать обусловленные его неполнотой трудности.

становливая свое значение в качестве универсального правила для всех и перестает быть инструкцией по управлению текущими делами отдельных сфер общественной жизни. Кроме того, этот проект призван разрешить противоречие между либерализмом и демократией за счет встроенных ограничений электорального произвола. Разумеется, этот проект не следует трактовать как панацею. Он лишь дает некоторые итоговые контуры радикальных либеральных общественных преобразований в конституционном устройстве.

И, наконец, Хайек предстает как исследователь, стоящий на переднем крае институциональной экономики его времени. Однако тут снова повторяется история с конституционной политической экономией: все знают Норта и его теории исторической институциональной динамики, но мало кто имеет представление о том, что сделал в этой области Хайек. Конечно, он не написал отдельного произведения, касающегося только этого вопроса. В то же время это не означает, что у него отсутствовало видение значения институтов. Более того, он, возможно, один из первых раскрыл их двойственную природу: формальный институт утрачивает свою функциональность, когда не имеет «подпитки» со стороны институтов неформальных, которые чаще всего именуются моральными принципами. Это помогло ему увидеть проблему импорта институтов из страны в страну: можно переписать (или написать с нуля) конституцию, но нельзя заимствовать эти принципы.

И это – главная проблема реформаторов. Страны имеют свою культурную и национальную идентичность, которую можно не замечать, но которая в конечном счете будет определять успех или неуспех реформ. Если эта идентичность включает в себе идеалы свободы и неотъемлемых прав индивида, то электоральная демократия не будет большой угрозой для либерализма; если нет, то тогда она будет саботировать и подрывать направленные на его создание преобразования. Применительно к последнему случаю вполне уместно вспомнить, например, такие слова лорда Актона: «Народ, питающий отвращение к институту частной собственности, лишен первейшего элемента свободы» (цит. по: Хайек, 2006: 529).

Литература

- Бреннан, Дж., Бьюкенен, Дж. (2005). *Причина правил. Конституционная политическая экономия*. СПб.: Экономическая школа.
- Бьюкенен, Дж. М. (2004). Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий, с. 417–434 / В кн.: А. П. Заостровцев (ред.) *Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор*, т. 4. СПб.: Экономическая школа.
- Бьюкенен, Дж. М. (1997). *Сочинения*. М.: Таурас Альфа.
- Заостровцев, А. П. (2013). Либеральная политическая экономия и философия Джеймса Бьюкенена // *Вопросы экономики*, (11), 34–52.
- Заостровцев, А. П. (2014). *О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю?* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Заостровцев, А. П. (2018). Экономисты об эффективности демократии: дискуссия на рубеже веков // *Вопросы теоретической экономики*, (2), 8–27.
- Кузнецов, Ю. (2019). Безусловный базовый доход и проблема асимметрии информации // *Экономическая политика*, (3), 80–95.
- Леони, Б. (2008). *Свобода и закон*. М.: ИРИСЭН.
- Линде, А. Н. (2015). Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*, (1), 52–58.
- Четвернин, В. (2014). Понятие права: конкурирующие парадигмы, с. 161–205 / В кн.: *Капитализм и свобода: сборник статей*. СПб.: Нестор-история.

- Хайек, Ф. А. фон. (2006). *Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики*. М.: ИРИСЭН.
- Хайек, Ф. А. фон. (2009). *Судьбы либерализма в XX веке*. М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум.
- Хайек, Ф. А. фон. (2018). *Конституция свободы*. М.: Новое издательство.
- Яновский, К. Э., Жаворонков, С. В. (2017). Несколько заметок о моральности всеобщей избирательной привилегии // *Экономическая политика*, (6), 102–123.
- Яновский, К. Э., Жаворонков, С. В. (2018). Закон и борьба с дискриминацией: равенство или свобода? (Пример США) // *Общественные науки и современность*, (6), 59–68.
- Balcerowicz, L., Radzikowski, M. (2018). The Case for Targeted Criticism of the Welfare State // *Cato Journal*, 38(1), 1–16.
- Boettke, P. (2018). *F.A. Hayek: Economics, Political Economy, and Social Philosophy*. London: Palgrave MacMillan.
- Buchanan, J. M. (1997). *Post-Socialist Political Economy: Selected Essays*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.
- Holcombe, R. (2015). Public choice and Austrian economics, pp. 492–508 / In: C.J. Coin, P. Boettke (eds.) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. Oxford: Oxford University Press.
- Hoppe, H.-H. (1994). F.A. Hayek on government and social evolution: a critique // *The Review of Austrian Economics*, 7(1), 67–93.
- Jasay de, A. (1994). The cart before the horse: on emergent and constructed orders and their wherewithal, pp. 29–44 / In: C. Frei, R. Nef (eds.) *Contending with Hayek*. Bern: Peter Lang.
- Lewis, P. (2015). Hayek: From Economics as Equilibrium Analyses to Economics as Social Theory, pp. 195–223 / In: C.J. Coin, P. Boettke (eds.) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. Oxford: Oxford University Press.
- Pennington, M. (2015). Constitutional Political Economy and Austrian Economics, pp. 465–491 / In: C.J. Coin, P. Boettke (eds.) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. Oxford: Oxford University Press.
- Tanner, M. (2015). The Pros and Cons of a Guaranteed National Income // *Policy Analysis*, 773, May 12.
- Tanner, M., Hughes, Ch. (2015). The Work versus Welfare Trade-Off: Europe // *Policy Analysis*, 779, August 24.
- Vanberg, V. (1994). *Rules and Choice in Economics*. London: Routledge.

References

- Balcerowicz, L., Radzikowski, M. (2018). The Case for Targeted Criticism of the Welfare State. *Cato Journal*, 38(1), 1–16.
- Boettke, P. (2018). *F.A. Hayek: Economics, Political Economy, and Social Philosophy*. London: Palgrave MacMillan.
- Brennan, G., Buchanan, J. (2005). *The Reason of Rules: Constitutional Political Economy*. Saint Petersburg: The School of Economics Institute Publ. (In Russian.)
- Buchanan, J. M. (1997). *Collected works*. Moscow: Taurus Alpha. (In Russian.)
- Buchanan, J. M. (2004). Politics without romance: A sketch of positive public choice theory and its normative implications, pp. 417–434 / In: A. Zaostrovtssev (ed.) *Milestones of Economic Thought. Welfare Economics and Public Choice*, vol. 4. Saint Petersburg: The School of Economics Institute Publ. (In Russian.)
- Buchanan, J. M. (1997). *Post-Socialist Political Economy: Selected Essays*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.
- Chetvernin, V. (2014). The concept of law: competing paradigms, pp. 161–205 / In: *Capitalism and Freedom: collection of articles*. Saint Petersburg: Nestor-istorija Publ. (In Russian.)

- Hayek, F. A. von (2006). *Law, Legislation and Freedom: A Contemporary Understanding of Liberal Principles of Justice and Politics*. Moscow: IRISEN Publishing House. (In Russian.)
- Hayek, F. A. von (2009). *The Fate of Liberalism in the XX Century*. Moscow, Chelyabinsk: IRISEN Publishing House, Mysl Publ., Sotsium Publ. (In Russian.)
- Hayek, F. A. von (2018). *The Constitution of Liberty*. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ. (In Russian.)
- Holcombe, R. (2015). Public choice and Austrian economics, pp. 492–508 / In: C.J. Coin, P. Boettke (eds.) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. Oxford: Oxford University Press.
- Hoppe, H.-H. (1994). F.A. Hayek on government and social evolution: a critique. *The Review of Austrian Economics*, 7(1), 67–93.
- Jasay de, A. (1994). The cart before the horse: on emergent and constructed orders and their wherewithal, pp. 29–44 / In: C. Frei, R. Nef (eds.) *Contending with Hayek*. Bern: Peter Lang.
- Kuznetsov Yu. (2019). Universal basic income and the problem of information asymmetry. *Economic policy*, 14(3), 80–95. (In Russian.)
- Leoni, B. (2008). *Freedom and the Law*. Moscow: IRISEN Publishing House. (In Russian.)
- Lewis, P. (2015). Hayek: From Economics as Equilibrium Analyses to Economics as Social Theory, pp. 195–223 / In: C.J. Coin, P. Boettke (eds.) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. Oxford: Oxford University Press.
- Linde, A. N. (2015). Deliberative democracy as a trend in modern theory of democracy: Analysis of the main approaches. *Problem Analysis and Public Administration Projection*, 8(1), 52–58. (In Russian.)
- Pennington, M. (2015). Constitutional Political Economy and Austrian Economics, pp. 465–491 / In: C.J. Coin, P. Boettke (eds.) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. Oxford: Oxford University Press.
- Tanner, M. (2015). The Pros and Cons of a Guaranteed National Income. *Policy Analysis*, 773, May 12.
- Tanner, M., Hughes, Ch. (2015). The Work versus Welfare Trade-Off: Europe. *Policy Analysis*, 779, August 24.
- Vanberg, V. (1994). *Rules and Choice in Economics*. London: Routledge.
- Yanovskiy, K. E., Zhavoronkov, S. V. (2017). The few notes on universal suffrage morality. *Economic Policy*, 12(6), 102–123. (In Russian.)
- Yanovskiy, K., Zhavoronkov, S. (2018). Rule of law and antidiscrimination struggle compatibility: new choice between equality and freedom? (USA case). *Social Sciences and Contemporary World*, (6), 59–68. (In Russian.)
- Zaostrovtssev, A. (2013). Liberal political economy and philosophy of James Buchanan. *Voprosy Ekonomiki*, (11), 34–52. (In Russian.)
- Zaostrovtssev, A. (2014). *On development and backwardness: How do economists explain history?* St. Petersburg: EUPRESS, 248 p. (In Russian.)
- Zaostrovtssev, A. (2018). Economists on the effectiveness of democracy: debate on the turn of the century. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, (2), 8–27. (In Russian.)